

Г. МАРСЕЛЬ

<Предисловие к «Переписке из двух углов» В. И. Иванова и М. О. Гершензона>

Не просто переписка в обычном смысле этого слова, а духовная кантата для двух голосов развернется на страницах, которые вам предстоит прочесть. Различие в тембрах и регистрах между этими голосами столь же ощутимо, как, например, между скрипкой и виолончелью. Только в музыке мы найдем аналогию перекличкам, репризам, которые расставляют акценты в этом глубокомысленном диалоге, где каждый, вполне оставаясь собой, обращается к другому и находит в нем свою меру. В этом, быть может, отчасти состоит тайна необычайного воздействия, которое производит этот дуэт на всякого, кто его постигнет. Он, безусловно, выделяется на неясном фоне катаклизма, которого оба собеседника так или иначе сумели избежать, но его угроза еще нависает над их мыслями.

Это гибкое и свободное построение, которое само собой возникает у нас перед глазами, открывается утверждением, звучащим скорее не как вызов, но как призыв, братское приглашение к единению в Том, Кто не покинет нас, если мы сами его не покинем. По правде сказать, В. И. Иванов знает о сомнениях М. Гершензона; но признание, которое он делает о своей вере, как бы таит в себе робкую, невысказанную надежду на возможное обращение.

Ответ не вполне соответствует его ожиданиям; по правде сказать, он наталкивается не на отрицание, но на сильное и даже тяжелое чувство тщетности трансцендентных рассуждений, ничтожества всякой абстракции; более того, на страстное желание сбросить иго всех дополнительных построений, которые история нагромодила над той живой и угнетенной действительностью,

каковой мы являемся; и тогда вырывается этот крик, исполненный столь волнующей патетики: «Какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, как первый человек, нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно — как было тяжело и душно в тех одеждах, и как легко без них»*.

Эти строки вызывают в моей памяти незабываемые образы воскресших на «Страшном суде» в Орвието¹. То же содрогание, тот же трепет. И, без сомнения, какой-нибудь педант не преминет напомнить нам, что этот протест плененной души произносился уже довольно часто. Но как ново его звучание на этот раз, и как трагично! Каким-то таинственным образом крайняя усталость словно бы приводит к последней надежде, надежде на нечто запредельное, на мир, который вдруг заново обретет свою первоначальную свежесть.

Но, отвечает Иванов, не ошибочно ли отождествлять культуру с системой принуждений, до уровня которой она рискует деградировать?

«Благоговения мои свободны», — пишет он, а что в сущности есть культура, как не «иерархия благоговений»?**

Без сомнения, нельзя не увидеть нечто роковое в способности заковывать самого себя в цепи при помощи того самого инструмента, который должен был послужить средством для его освобождения; тем не менее, часть нашего наследия остается неотъемлемой и как бы защищенной даже от смерти, которая и сама, впрочем, есть не что иное, как необходимая прелюдия к нашему грядущему возрождению.

Однако этот ответ не вызывает у Гершензона никакого отклика; чувство, которое он пытался выразить, никак не получается ослабить, как будто он не поддается аргументам, коренящимся в областях души, бесконечно далеких от тех, где обитает его мысль: «Идея и знание плодотворны для меня, когда они естественно родились во мне из моего личного опыта или когда я ощутил неодолимую потребность в них, а усвоенные извне и без есте-

---

* *Иванов Вяч. И.* Переписка из двух углов // *Собрание сочинений в 4 томах.* Т. 3. Брюссель, 1979. С. 385.

** Там же. С. 386.

ственной потребности они подобны гуттаперчевым воротничкам, зонтам, калошам и часам, которые надевает на себя, выменяв у европейца, голый негр в джунглях Африки. И вот я говорю; мне скучно от обилия фабричных вещей в моем доме, но бесконечно больше меня тяготит нажитая загроможденность моего духа»*.

Но В. Иванов отказывается рассматривать веру как элемент культуры; именно благодаря ей, и возможно, только ей мы можем преодолеть это искушение культуры, делающее столь опасным принуждение, которым она придавливает нас. «Без веры в Бога человечество не обретет утраченной свежести»**. Но тем самым не упускает ли он из внимания то, что как раз и делает трагическим положение «культурного» человека? Человек, «обремененный культурным наследием, — возражает Гершензон, — неспособен воспарить к абсолютному, если же и присуща ему вера, она делит участь всех его душевных состояний: она заражена рефлексией, искажена и бессильна»***; и снова патетически взывает к неведомой весне знания, где дух мог бы обрести свою первоначальную свежесть.

Было бы бесполезно и даже непоследовательно пытаться концептуально определить ценность этого обновления; «выразимый идеал есть система еле живых <...> идей»****.

Значение имеют побуждение и то неформулируемое предчувствие, которое им движет. Именно здесь добавляется ответ самый веский, самый ценный и в конкретном, и в метафизическом смысле. Ложное представление о культуре разлагает ее до такой степени, что делает из нее «равнину развалин или поле, усеянное костями»*****. Подобное представление означает грубейшее непонимание того, что составляет самую сущность памяти: «Память — начало динамическое; забвение — усталость и перерыв движения, упадок и возврат в состояние относительной косности», — веско заявляет Иванов. А через десять лет, уже после своего перехода в католичество, в письме к Шарлю Дю Босу от 15 октября 1930 г., Иванов напишет так: «То, что теперь называют, говоря о больших циклах всемирной истории — “общая культура” <...>, основыва-

---

* Там же. С. 389.

** Там же. С. 391.

*** Там же. С. 393.

**** Там же. С. 394.

***** Там же. С. 395.

ется, по-моему, на непрерывном действии врожденной памяти, посредством которой Нетварная Премудрость учит человечество обращать средства вселенской разлуки — пространство, время, инертную материю — в средства единения и гармонии, и тем осуществлять предвечный замысел Бога о совершенной твари. *<...>Распад религии следует считать непреложным симптомом истощения памяти в соответственной области»**. И привилегия христианства как абсолютной религии будет состоять, соответственно одушевляющей его силой вселенскости, в возможности оживлять онтологическую память цивилизаций, которые оно вытесняет, но которые в определенном смысле подготовили его в феноменологическом плане. Здесь мы и приходим, как признает Гершензон в письме VIII, к центральной точке спора. Именно эту устойчивую жизнеспособность духовного наследия и оспаривал Гершензон: «Откровения истины, нисшедшие на отцов, превратились в мумии, в фетишей»**. Это ощущение изношенности, старения, склероза, которые происходят, как только обезличиваются ценности, выработанные конкретной индивидуальностью, у Гершензона слишком сильно, чтобы он смог согласиться с Ивановым в постулате, который тот только что провозгласил. Но, как ни странно, подобно стойкам, подобно Ницше, именно в идее циклического возвращения он найдет или будет полагать, что нашел основу для духовного восстановления. «Здесь совершается как-бы обратная филогения: достигнув вершины, движение уже иным возвращается вспять, точно тем же путем, этап за этапом, как оно восходило. *<...>* Но старые формы оживлены теперь другим духом»***. Однако следует признать, что этот оптимизм неспособен принять определенную форму, не видно, в чем могла бы состоять его конструктивная сила. «Вы, сам не отдавая себе в том отчета, являетесь типическим представителем *<...>* искони иконоборческого тяготения к поглощению идеи сумерками подсознательного»****. Но у Ницше это происходило совсем иначе; «он входит в сонм великих ваятелей идеала; иконописцем делается он из иконоборца»*****, и в самой

---

* *Иванов Вяч. И.* Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 431.

** Там же. С. 398.

*** Там же. С. 400.

**** Там же. С. 404.

***** Там же. С. 403.

своей воле к преобразованию ценностей он остается верен, возможно, самой глубокой потребности, которая есть в человеке: «Все живое хочет не только самосохранения, но и самораскрытия, всем существом зная, что последнее есть самоистощение, саморазрушение, смерть, — и, быть может, вечная память»*.

Однако здесь, как с большой силой отмечает Гершензон, в свою очередь остается под вопросом именно ценность исторической истины; в его глазах она пребывает привязанной к относительности и строго подчиненной здесь и сейчас: «Правда истории <...> — правда творящаяся, испытываемая и поверяемая всякой отдельной личностью. Моя личность, проверив ее целостным чувством, говорит ей: ты — ложь, не могу поклоняться тебе. <...> *Мой Бог, невидимый, — не требует, не пугает, не распинает. Он — моя жизнь, мое движение, моя свобода, мое подлинное хотение*»**. И мы видим, как здесь вновь возникает тема утоляющей жажду студеной воды, составляющая своеобразный лейтмотив этого двойного концерта. Во всем десятом письме — на мой взгляд, одном из лучших — раны, нанесенные происходящими событиями, предстают более мучительными и сокровенными, чем во всех других. Те ценности, те накопленные богатства, которые Революция стремится вырвать у меньшинства, присваивавшего их веками, — какова будет их участь в возникающем ныне человечестве? «Взяв их в руки и разглядев», пролетариат «может быть увидит, что кроме цепей да мусора в них нет ничего, и с досадой разочарования бросит их прочь и начнет создавать другие, новые ценности. А может быть и то: поднимет их с полной верой на рамена свои и понесет дальше, добросовестно примет “преемство культуры”»***. Которое из этих предположений осуществится? Мы не можем этого знать. Два последних письма лишь углубляют неустрашимое разногласие. Иванов пишет: «Опрощение — измена, забвение, бегство, реакция трусливая и усталая. Несостоятельна мысль об опрощении в культурной жизни столь же, сколь в математике, которая знает только «упрощение». <...> К простоте вожденной и достолюбезной путь идет через сложность. *Не выходом из данной среды или страны добывается она,*

---

* Там же. С. 406.

** Там же. С. 408.

*** Там же. С. 409.

но восхождением»*. Я намеренно выделяю эту фразу, поскольку, возможно, именно она дает ключ к спору. Нельзя ли сказать, что вселенные двух собеседников включают в себя неодинаковое количество измерений? Мир Вячеслава Иванова в сравнении с миром Гершензона — как горный край, богатый тенистыми и таинственными уголками, в сравнении с поделенной рядами деревьев равнинной местностью, где протянулись извилистые реки. Не будет ли злоупотреблением метафорами, если заметить, что при взгляде с вершин, на которые часто поднимается мысль Иванова, этот другой пейзаж приобретает упорядоченность и глубину? Напротив, для Гершензона царство оппонента имеет обрывистые, и потому обманчивые очертания. Для веры, для одного лишь взгляда веры метафоры, за которые цепляется ностальгия неверующего, раскрывают свое исключительно кажущееся правдоподобие; но в то же время сама эта ностальгия предстает еще неопределенным и бессильным ожиданием своеобразного соединения с вечностью, которое в нас уже на другом уровне предвосхищает память.

1931

---

* Там же. С. 412.